

РАЗЛОМ ЛАЗУРНЫХ НЕБЕС

Пробуждение

Р О М А Н

Кирилл Прикота

Разлом Разрунных Небес

<https://litres.ru/74308827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Йе Хань рождён с «немым меридианом» — редчайшим изъяном, который делает его посмешищем родного клана культиваторов. Публичный провал на клановом экзамене, разорванная помолвка, презрение кузена-гения — и, казалось бы, конец всем надеждам. Но в изгнании он находит кольцо праотца, где десять тысячелетий спит дух древнего Императора Пустоты. Выясняется, что «немота» героя — обратная сторона немислимого дара: способности поглощать чужую ци. Пока Секта Кровавой Луны охотится за печатью в его кольце, а завистливый кузен готовит расправу, Йе Хань должен превратить презрение клана в трепет — даже если для этого придётся в буквальном смысле расколоть небо.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кирилл Прикота

Разлом Разрунных Небес

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Позор на экзамене

Глава 2. Изгнание в Забытую Пещеру

Глава 3. Пробуждение Тени

Глава 4. Первый Раскол

Глава 5. Возвращение с маской слабости

Глава 6. Рынок Ста Трав

Глава 7. Уроки алхимии

Глава 8. Тень над кланом

Глава 9. Большой Смотр, часть 1

Глава 10. Набег Кровавой Луны

Глава 11. Первый настоящий Раскол на публике

Глава 12. Разделённый клан

Глава 13. Ловушка в Лесу Костяных Игл

Глава 14. Раскол Небес

Глава 15. Возвращение статуса

Глава 16. Дальше — весь континент

Глава 1

Позор на экзамене

Осенний ветер над кланом Йе пах увядшей полынью и холодным железом — так пахнет воздух перед прорывом, когда десятки юных тел готовятся выплеснуть в мир свою ци. Площадь Испытаний лежала в низине между двумя горными хребтами, и с самого рассвета сюда стягивались люди: слуги расставляли скамьи для старейшин, ученики выстраивались по возрасту, зеваки из младших ветвей толпились за бамбуковым ограждением, вытягивая шеи.

Йе Хань стоял в самом хвосте очереди, там, где обычно ставят тех, кого не жаль потерять из виду. Шестнадцать лет — последний год, когда клан вообще снисходит до того, чтобы проверить его меридианы. После этого экзамена дорога либо открывается, либо закрывается навсегда, и все вокруг знали, в какую сторону она закроется для него.

Он не поднимал глаз. Смотрел на алтарь — простую каменную плиту в центре площади, отшлифованную сотнями ладоней за сотни лет, с вырезанным по краю узором молний в честь стихии клана. На такую плиту нужно было положить руку и позволить ци выйти наружу — самой малости, крохотной искры, чтобы старейшины отметили пробуждение меридианов и присвоили звезду.

Крохотной искры. У других — этого было в достатке.

— Гуй Лань, третья ветвь, — выкрикнул распорядитель, и полная девушка с косичками шагнула к алтарю.

Она положила ладонь на камень, зажмурилась, засопела

от старания — и над её пальцами вспыхнул слабый зеленоватый огонёк, тонкий, как нитка, но настоящий. Толпа выдохнула — не восторженно, просто одобрительно, как выдыхают о чём-то ожидаемом. Старейшина у стола черкнул кистью по свитку.

— Открытие Ци, первая звезда. Земляная природа.

Девушка вспыхнула от гордости и отбежала к своим. Следующий. И следующий. Огоньки — синие, жёлтые, зелёные — вспыхивали над алтарём один за другим, каждый со своим оттенком, каждый маленьким салютом, который встречала площадь негромким гулом. Кто-то из зрителей за оградой считал звёзды вслух, кто-то делал ставки на то, кто пройдёт дальше в этом году.

Йе Хань смотрел на эти огоньки и чувствовал, как в груди холодеет что-то, не имеющее отношения к осеннему ветру.

Он знал, что будет. Знал уже семь лет, с тех самых пор, как первый лекарь клана положил два пальца на его запястье, свёл брови и тихо сказал отцу: «Меридианы закрыты. Немой Меридиан. Редкая аномалия, стихия не течёт». С тех пор каждый год он выходил к алтарю — и каждый год ничего не происходило. Но каждый год оставалась крохотная, глупая, упрямая надежда, что на этот раз будет иначе.

Надежда, которую он давно перестал показывать на лице.

— Йе Хун, главная ветвь! — выкрикнул распорядитель, и голос его прозвучал иначе — с почтением, с предвкушением.

Толпа зашевелилась, вытянулась вперёд. Йе Хань поднял

взгляд.

Его двоюродный брат шёл к алтарю так, будто площадь принадлежала ему — и в каком-то смысле так и было. Восемнадцать лет, высокий, широкоплечий, в тёмно-синих одеждах наследника с вышитой на груди молнией. Йе Хун обвёл толпу взглядом, отыскал глазами старейшин на возвышении, коротко поклонился — не столько с почтением, сколько с уверенностью человека, знающего, что поклон ему давно не обязателен.

Он положил ладонь на алтарь.

Воздух хрустнул.

Это был не тонкий огонёк, не нитка света. Из-под ладони Йе Хуна выплеснулась синяя молния, ударила вверх, разветвилась в воздухе на пальцы электрических жил, с треском облизала камень алтаря и растворилась в дожде голубых искр. Гром отозвался — настоящий, глухой раскат, будто небо признало родство. Кто-то из зрителей вскрикнул. Скамьи старейшин одобрительно загудели.

— Дух-Адепт, третья звезда! Громовая природа, чистота выше девяноста процентов!

Площадь взорвалась гулом восхищения. Третья звезда Дух-Адепта в восемнадцать — это было почти неслыханно для клана среднего ранга; такие результаты попадали в родовые хроники. Йе Хун опустил руку, и на его лице расцвела улыбка, за которой Йе Хань слишком хорошо знал, что прячется: не радость мастерства, а голод чужого внимания.

Йе Хун обернулся — и нашёл его взглядом.

Специально. Не по случайности скользнул глазами по толпе — отыскал именно его, в самом хвосте очереди, и задержался. Улыбка стала шире.

— Следующий, — крикнул распорядитель, и Йе Хань понял, что список подошёл к его имени только через двоих учеников.

Он ждал. Смотрел, как ещё двое выходят к алтарю, как вспыхивают их огоньки — один слабее, другой чуть ярче, — как старейшины кивают, как толпа привычно гудит. Ветер стал холоднее. Или это просто у него в груди стало холоднее.

Он вытянул левую руку и посмотрел на палец, где было надето старое чёрное кольцо. Простое, без узоров, из тёмного металла, который никогда не блестел, даже на солнце. Отец сказал, что оно принадлежало какому-то далёкому праотцу, безымянному предку, о котором в родовых свитках осталась одна строчка. Йе Хань носил его столько, сколько помнил себя — просто привычка, просто вес на пальце, ничего больше. Мёртвая вещь. Как и всё, что касалось его самого.

— Йе Хань, опальная ветвь.

Его имя произнесли иначе, чем имя Йе Хуна. Без почтения. С тем лёгким, чуть ленивым равнодушием, каким называют вещь, о которой заранее знают исход.

Он пошёл к алтарю.

Шаги отдавались в ушах громче, чем должны бы. Толпа за оградой примолкла — не из уважения, а из любопытства

особого сорта, того самого, с каким люди останавливаются посмотреть на чужую беду. Он чувствовал десятки взглядов на спине, на затылке, на руках. Знал, что где-то в первых рядах, рядом со своей семьёй, сидит Мужун Юэ Ин — девушка, с которой его обручили ещё в детстве по договору кланов, — и что она, наверное, тоже смотрит.

Он не стал искать её глазами. Не сейчас.

Алтарь был холодным даже на вид — серый камень, отшлифованный до блеска сотнями пробуждений, кроме его собственных. Йе Хань положил ладонь на плиту.

И стал ждать.

Ничего.

Он закрыл глаза, попытался вспомнить всё, чему его учили: собрать дыхание в нижнем даньтяне, направить его вверх по каналу, толкнуть к точке выхода. Год за годом одно и то же упражнение, доведённое до автоматизма, — и год за годом одна и та же глухая стена внутри, будто тело его было запечатано изнутри слоем камня, через который ничто не проходит.

Секунда. Другая. Третья.

Камень под его ладонью оставался таким же холодным, каким был.

Тишина на площади стала другой — не той тишиной ожидания, с которой встречали остальных, а тишиной затянувшейся паузы, за которой люди начинают понимать, что паузе конца не будет. Йе Хань стоял, не открывая глаз, стиснув

зубы, толкая — толкая изнутри что-то, чего там просто не было, будто пытался сдвинуть гору голыми руками, зная уже на третьей секунде, что гора не сдвинется, но не позволяя себе остановиться, потому что остановиться означало признать это перед всеми вслух.

Пятая секунда. Десятая.

Кто-то в толпе хихикнул.

Смешок был тихим, но в мёртвой тишине площади он прозвучал так, будто кто-то ударил в гонг. Второй смешок подхватил первый, потом третий, и через несколько ударов сердца смех прокатился по рядам зрителей не как насмешка одного человека, а как что-то общее, что-то, что все давно предвкушали и наконец получили право себе позволить.

— Немой Меридиан, — сказал кто-то не слишком тихо.

— Чего ждали.

Йе Хань открыл глаза и убрал руку с камня.

Ладонь была такой же холодной, как и алтарь. Не покраснела, не задрожала, не засветилась даже на миг — просто ладонь, лежавшая на камне впустую, как лежала бы на любом другом камне на любой другой горе.

Старейшина за столом не стал даже поднимать кисть.

— Открытие Ци — не зафиксировано, — произнёс он ровным голосом человека, который констатирует факт, а не выносит приговор, и от этой ровности было только хуже. — Следующий.

Слово повисло над площадью, как последний звук коло-

кола после того, как удар давно затих.

Йе Хань стоял у алтаря на секунду дольше, чем нужно было, — не потому что ждал другого исхода, а потому что ноги отказывались сразу нести его назад, через строй смеющихся лиц, обратно в хвост очереди, откуда он уже никогда не пойдёт. Он заставил себя развернуться. Заставил лицо остаться неподвижным. Это было единственное, что оставалось в его власти, — и он вцепился в эту малость обеими руками.

— Ну надо же, — раздался голос, который он узнал бы даже сквозь толщу земли.

Йе Хун не спешил уходить со своего места почёта у возвышения старейшин. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на брата с тем же выражением, с каким разглядывают насекомое, упавшее в чашку чая.

— Семь лет, братец. Семь лет ты выходишь к этому камню, и семь лет камень тебе отвечает одним и тем же. — Он покачал головой с притворным сочувствием, от которого было тошнее, чем от прямой издёвки. — Может, дело не в камне?

Смех снова прокатился по толпе, теперь громче, теперь без стеснения.

— Хватит, Йе Хун, — сказал Йе Хань. Голос вышел тише, чем ему хотелось, но твёрже, чем он ожидал от собственного горла.

— Хватит? — Йе Хун сделал шаг вперёд, и в его ладо-

ни снова заплескали синие искры — без всякой необходимости, просто чтобы показать, как легко они приходят. — Ты хоть знаешь, что значит это слово для человека с закрытыми меридианами? Ты не воин. Ты даже не адепт. Ты — пустое место с фамилией Йе, которое всем неловко произносить вслух.

— Довольно.

Голос принадлежал старейшине Йе Тану — отцу Йе Ханя, — но прозвучал он не так, как звучал бы у человека, защищающего сына. В нём была усталость, была попытка навести порядок на площади, но не было того огня, с которым отец бросается закрыть своё дитя от чужих слов. Йе Тан сидел на возвышении среди других старейшин клана, в тёмно-серых одеждах главы отдалённой ветви, и на лице его застыло то самое выражение, которое Йе Хань видел на нём каждый год после экзамена: сдержанность, за которой прятали всё остальное.

— Молодёжь горяча, — сказал один из старейшин рядом с ним примирительно, но с той же ленивой снисходительностью, с какой судят чужую беду. — Пусть Йе Хун закончит показ. Мы услышали достаточно, Йе Тан.

Отец не ответил. Он посмотрел на сына — всего на секунду, — и в этом взгляде было столько всего сразу, что Йе Хань почти пожалел, что заметил: боль без слов, стыд без осуждения, что-то похожее на извинение, которое отец не мог произнести вслух перед лицом всего клана. Взгляд длился один

удар сердца и погас — Йе Тан опустил глаза к свитку перед собой, как будто там было что-то важное.

Йе Хань запомнил этот взгляд лучше, чем весь смех толпы вместе взятый.

— Господин Мужун, — произнёс кто-то из первых рядов, и это имя заставило Йе Ханя вздрогнуть.

Он повернулся — и увидел её. Мужун Юэ Ин стояла рядом с отцом, в лёгком платье цвета инея, с прямой спиной и лицом, которое не смеялось вместе с толпой, но и не искало его взгляда. Она смотрела прямо перед собой, будто пытаясь не быть частью того, что происходило, и всё же оставаясь его частью самым своим присутствием здесь.

Её отец, глава клана Мужун, поднялся со скамьи. Это был грузный человек с тяжёлым взглядом, из тех, кто принимает решения не эмоциями, а расчётом, — и именно поэтому его слова прозвучали как приговор, а не как вспышка гнева.

— Уважаемые старейшины клана Йе, — произнёс он, обращаясь не к Йе Тану, а сразу ко всему возвышению, — договор о браке между нашими домами был заключён в расчёте на будущего воина рода Йе, наследника с достойными меридианами. Сегодня мы все стали свидетелями того, что этот расчёт был ошибкой.

Он сделал паузу, будто давая площади время осознать вес его слов — и площадь их осознала: гул стих, все обернулись.

— Дом Мужун разрывает помолвку между моей дочерью Юэ Ин и Йе Ханем, — закончил он. — Мы не станем связы-

вать кровь моей семьи с человеком без будущего.

Слова упали на площадь, как камень в колодец без дна.

Йе Хань стоял неподвижно. Он ждал, что внутри что-то оборвётся — какая-то нить, соединявшая его с прежней жизнью, с обещанием, данным его отцом много лет назад, — но вместо этого почувствовал странное, почти отстранённое спокойствие, как человек, который наконец услышал диагноз, который давно подозревал.

Он посмотрел на Мужун Юэ Ин. Она встретила его взгляд — и в этот единственный раз не отвела глаза первой. В её лице не было презрения, не было того злорадства, каким светилось лицо Йе Хуна. Было что-то другое — неловкость, может быть, тень сожаления, — но она не сказала ни слова, потому что решение принял её отец, а не она, и в этом мире дочери глав кланов не спорят с отцами на глазах у сотни свидетелей.

— Как пожелаете, — произнёс Йе Тан после долгой паузы. Голос его был ровным, официальным, тем голосом, каким старейшины ведут переговоры между домами, а не тем, каким отцы говорят о судьбе сына. — Дом Йе принимает решение дома Мужун.

Ни слова больше. Ни попытки возразить, ни просьбы дать время, ни намёка на то, что всего минуту назад в этих же глазах Йе Хань видел боль. Отец умел скрывать себя лучше, чем кто-либо в клане, и сегодня это умение стоило Йе Ханю последней ниточки, которая связывала его с домом Мужун.

Йе Хун рассмеялся — открыто, без стеснения, запроки-

нув голову.

— Вот видишь, братец. Даже сговор кланов не выдерживает столкновения с правдой. — Он подошёл ближе, понизил голос, чтобы услышал только Йе Хань, но и так, чтобы половина ближайшего ряда всё равно расслышала. — Знаешь, что самое смешное? Я почти жалел тебя все эти годы. Думал — вдруг однажды что-то изменится, вдруг в тебе проснётся хоть капля таланта, и мне придётся делить с тобой хоть что-то. Больше не буду. Сегодня клан наконец увидел то, что я знал всегда: ты — пустое место. Немой Меридиан, немая судьба.

Он развернулся, махнул рукой оставшимся ученикам — мол, продолжаем, — и вернулся к возвышению старейшин с видом человека, чей день только начался.

Йе Хань стоял один в кругу расступившихся людей, и молчание вокруг него было куда громче, чем прежний смех. Он чувствовал взгляды — жалостливые, презрительные, равнодушные, — и все они жгли одинаково.

Он повернулся и пошёл прочь с площади, не дожидаясь конца показа, не оглядываясь на отца, на брата, на девушку, которая только что перестала быть его невестой. Шёл сквозь расступающуюся толпу, глядя прямо перед собой, и никто не остановил его — ни возгласом, ни рукой на плече. Никто в клане Йе не хотел лишний раз связывать своё имя с его именем в этот вечер.

Солнце уже садилось за горные хребты, когда он вышел

за пределы Площади Испытаний и двинулся через клановые дворы к дому опальной ветви. Фонари вдоль дорог зажигались один за другим — тёплые оранжевые пятна в сгущающейся синеве, — но ему казалось, что каждый из них горит для кого-то другого, не для него. Слуги, встречавшиеся по дороге, отводили глаза или, наоборот, смотрели слишком долго; весть о разрыве помолвки, видимо, уже долетела быстрее, чем он сам дошёл до первых ворот.

Он не пошёл домой. Не сейчас. Ноги сами понесли его в сторону тренировочных двориков, пустых в этот час, где старые каменные стены хранили эхо тысяч ударов и криков за много поколений. Здесь было тихо. Здесь, наконец, никто не смотрел.

Йе Хань остановился посреди пустого двора и поднял левую руку к свету единственного фонаря. Чёрное кольцо на пальце лежало так же тускло, как всегда, — ни искры, ни тепла, мёртвый металл на живой плоти. Он сжал кулак так, что кольцо вдавилось в кожу, почувствовал его холодную твёрдую тяжесть — единственное, что осталось при нём после этого дня, единственное, что никто не мог у него отобрать, разорвать договором или высмеять перед толпой.

Он вспомнил взгляд отца — тот единственный удар сердца боли, которую Йе Тан не смог скрыть, даже когда голос его оставался ровным. Вспомнил лицо Мужун Юэ Ин, не насмешливое, но и не заступившееся. Вспомнил смех толпы, слово «пустое место», брошенное так легко, будто оно ниче-

го не стоило произнести.

Ветер усилился, принёс запах опавших листьев и дальнего дыма кухонных очагов. Где-то за стенами двора клан жил своей обычной вечерней жизнью, как будто ничего не случилось, как будто сегодняшней день был для клана таким же, как любой другой, — и, наверное, для клана он таким и был. Только не для него.

Йе Хань стоял один в темноте, сжимая мёртвое кольцо на пальце, и чувствовал, как что-то в груди — не боль уже, а что-то более твёрдое, более холодное — оседает на дно и застывает там, как кристалл.

«Немой Меридиан, — повторил он про себя слова Йе Хуна, не с болью, а с чем-то похожим на клятву. — Пусть так. Пусть весь клан думает, что для меня всё кончено».

Он посмотрел на кольцо ещё раз — на этот бесполезный, безмолвный кусок металла, который висел на его пальце столько лет и ничего не давал взамен, — и всё равно не снял его. Что-то в нём — не разум, не расчёт, просто упрямая, необъяснимая уверенность — говорило, что снимать рано.

— Это не конец, — сказал он вслух, тихо, только для темноты и для себя самого. — Что бы вы все обо мне ни думали, это ещё не конец.

Ветер унёс слова за стену двора, туда, где горели дальние огни клана, и не принёс ответа. Но Йе Хань не ждал ответа. Он стоял, пока последний свет не погас за хребтами, и толь-

ко потом, наконец, повернулся и пошёл домой — в темноту, одинокий, но не сломленный.

Глава 2

Изгнание в Забытую Пещеру

* * *

Три дня после экзамена в поместье Йе висела тишина — та особая, вязкая тишина, что стоит в доме после похорон. Слуги двигались бесшумно, опуская глаза при виде Йе Ханя, будто он был не живым человеком, а дурным предзнаменованием, о которое можно испачкаться, если подойти слишком близко. Даже собаки на псарне, всегда узнававшие его шаги, теперь отворачивали морды и жались к дальней стене вольера.

Йе Хань не выходил из своего флигеля дальше двора. Он знал: где-то за стенами усадьбы уже гуляет история о том, как отросток опальной ветви клана не смог зажечь в себе ни искры ци, как под смех всей молодёжи клана стоял на помосте с пустыми ладонями, пока кузен Йе Хун не унизил его перед всеми, а невеста, вернее — уже бывшая невеста, Мужун Юэ Ин, безмолвно наблюдала, как её отец на глазах у собравшихся разрывает свиток помолвки. Бумага, тлеющая символом двух семей, превратилась в пепел прямо на глазах Йе Ханя. Кажется, вместе с ней в тот день сгорело и что-то внутри него самого.

Но не всё. На безымянном пальце левой руки, там, где кожа была чуть темнее от долгого соседства с металлом, сиде-

ло чёрное кольцо праотца — единственная вещь, оставшаяся от предка, о котором в клане говорили редко и неохотно. Оно было холодным, тусклым, без единой резьбы или камня — просто ободок почерневшего металла, будто закалённого в огне, который давно погас. Йе Хань носил его столько, сколько себя помнил, и снимать не собирался, что бы там ни думали остальные.

На третий вечер в дверь флигеля постучали — не робко, как стучали слуги, а твёрдо, по-хозяйски. Йе Хань узнал этот стук раньше, чем увидел лицо отца.

Старейшина Йе Тан вошёл, ссутулившись чуть больше обычного, будто под тяжестью невидимого груза на плечах. Свет масляной лампы резал глубокие морщины на его лице, и Йе Хань впервые заметил, сколько седины появилось в отцовской бороде за последний год — или, может быть, просто раньше не смотрел так внимательно.

— Отец, — Йе Хань поднялся с лежанки.

— Сядь, — сказал Йе Тан. Голос был усталым, лишённым обычной старейшинской твёрдости. Он опустил на единственный стул в комнате, тяжело, как человек, которому не хочется говорить то, что он собирался сказать. — Совет старейшин собирался сегодня. Без меня, но я узнал, о чём шла речь.

Йе Хань молчал, ожидая.

— Йе Хун и его отец требуют твоего исключения из клановой книги, — сказал старейшина Йе Тан прямо, без оби-

няков, потому что знал: сын не тот человек, которому нужно подсахаривать горькое лекарство. — Немой Меридиан, говорят они, — пятно на всём роду. Дурная кровь, которая позорит клан перед соседями. Мужунам стыдно, что их дочь вообще была обручена с тобой. Другие семьи начинают шептаться, что кровь старейшины Йе Тана слабеет.

— И что вы ответили? — тихо спросил Йе Хань.

— Я сказал, что подумаю, — старейшина Йе Тан сжал кулак на колене так, что костяшки побелели. — Это всё, что я мог сказать, чтобы выиграть время. Если бы я отказал прямо — они бы вынесли вопрос на общий совет, а там голосов против тебя достаточно, чтобы решить дело без меня. Исключение из книги, Хань. Ты понимаешь, что это значит? Не просто позор. Ты перестанешь существовать для клана. Никакой защиты, никакого имени, никакого права на землю предков. Изгой без рода — самая лёгкая добыча для любого, кому ты не понравишься.

В комнате стало очень тихо. Где-то на дворе прокричал петух, не ко времени, будто тоже почувствовал неладное.

— Так вышвырните меня, — сказал Йе Хань, и голос его дрогнул только один раз, на середине фразы. — Раз я такая обуза для клана и для вас...

— Замолчи, — старейшина Йе Тан поднял голову, и в его глазах Йе Хань увидел то, чего не видел давно — не гнев, а отчаяние человека, зажатого между двух стен, которые сходятся, чтобы раздавить. — Ты думаешь, я стану выбирать

между кланом и сыном так легко? Думаешь, мне всё равно?

— Тогда что вы предлагаете?

Старейшина Йе Тан долго молчал, глядя на пламя лампы.

— Есть один выход, — наконец произнёс он. — Не идеальный. Но выход. В горах, в двух днях пути отсюда, есть старые руины — Забытая Пещера. Когда-то, много поколений назад, там укрылся один из наших предков — тот, о ком в клане предпочитают не вспоминать. Отступник, изгнанник, а может, просто человек, которому надоело кланяться старейшинам. Никто толком не знает его историю — только легенды, да и тех немного. С тех пор место считается проклятым, туда никто не ходит.

— И вы хотите отправить меня туда.

— Я объявлю это ссылкой, — сказал Йе Тан, и в этих словах прозвучала горечь человека, вынужденного произносить ложь, чтобы спасти правду. — Формальным наказанием за позор, что ты навлёк на клан. Скажу совету, что отправляю тебя на год «в изгнание для самопознания» — искать в себе то, чего не нашёл на экзамене, медитировать среди руин предков, каяться. Это удовлетворит Йе Хуна и его сторонников больше, чем простое исключение — они хотят видеть тебя раздавленным, а не просто исчезнувшим. А заодно... — старейшина Йе Тан сделал паузу, и голос его впервые за весь разговор смягчился, — это уберёт тебя с глаз клана. Подальше от языков, от насмешек, от Йе Хуна, который не остановится, пока не сломает тебя окончательно. Год в тишине гор

— это не самое страшное, что может случиться с шестнадцатилетним мальчишкой. Хуже, поверь мне, было бы остаться здесь.

Йе Хань смотрел на отца долго, чувствуя, как в груди боются обида и понимание. Он хотел спросить: «А если я так и останусь бесталанным? Если через год я вернусь всё тем же ничтожеством, и клан всё равно меня вычеркнет?» Но не спросил — потому что видел: отец и сам не знал ответа, и задавать этот вопрос было бы жестокостью, которой Йе Хань не хотел.

— Когда идти? — спросил он вместо этого.

— Завтра с рассветом, — сказал Йе Тан. — Чем меньше людей увидят, как ты уходишь, тем меньше пересудов.

Он поднялся, и на мгновение показалось, что старейшина хочет сказать что-то ещё — обнять сына, извиниться за клан, за экзамен, за собственное бессилие защитить его перед советом. Но старейшины Йе не привыкли к таким жестам, и вместо этого Йе Тан просто положил тяжёлую ладонь на плечо сына.

— Кольцо предка носи и дальше, — сказал он неожиданно. — Может, оно и мёртвый кусок металла, как говорят все, но твой дед считал иначе. И потом... это единственное, что я могу оставить тебе, кроме имени, которое скоро будет никому не нужно.

Он вышел, не оборачиваясь, и Йе Хань слышал, как тяжёлые шаги отца затихают в коридоре — медленные, будто

каждый шаг стоил ему сил.

* * *

Рассвет над поместьем Йе выдался серым, без единого луча солнца — низкие облака цепляли за черепицу дальних крыш, и воздух был сырым, пахнущим дождём, который так и не собрался пойти. Йе Хань стоял у заднего выхода из усадьбы с холщовой котомкой на плече — сухие лепёшки, немного солёного мяса, фляга с водой, старый плащ. Никаких провожающих. Так было условлено, так было проще для всех.

Он уже перешагнул порог калитки, когда услышал сзади знакомое покашливание.

— Молодой господин, — Лао Гэн, старый слуга, что служил семье Йе Тана ещё до рождения Йе Ханя, стоял у стены, кутаясь в потрёпанную куртку, будто просто вышел подышать воздухом в такой ранний час. Но в руках он держал небольшой свёрток. — Не думал же вы уйти без прощания со стариком?

— Лао Гэн. — Йе Хань невольно улыбнулся, впервые за три дня. — Тебе бы лучше не показываться со мной сейчас. Люди говорят разное.

— Люди всегда говорят разное, — фыркнул старик, подходя ближе неспешной, чуть кривой походкой — годы работы в поле и на конюшне давно взяли своё с его коленей. — Я нянчил вас, когда вы ещё ходить не умели, молодой господин, и слушать сплетни клановой челяди меня как-то позд-

новато учить. Вот, держите.

Он всучил Йе Ханю свёрток — внутри оказалась пара тёплых носков, немного сушёных трав от простуды и небольшой моток крепкой веревки.

— Горы холодные даже летом, а раны сами себя не перевяжут, — проговорил Лао Гэн, отводя взгляд, будто стеснялся собственной заботы. — И верёвка в руинах пригодится — кто знает, какие там обвалы после стольких лет.

— Спасибо, — тихо сказал Йе Хань, пряча свёрток в котомку.

Старик помолчал, глядя на серое небо, потом заговорил снова, медленнее, тщательнее подбирая слова, как человек, готовивший эту речь заранее:

— Молодой господин, я много лет прожил на этом свете и видел разных людей клана — сильных и слабых, талантливых и бесталанных, добрых и злых. Я скажу вам то, что не скажет старейшина, потому что он слишком боится за вас, чтобы говорить прямо. Слушайте.

Он взял руку Йе Ханя — узловатыми, шершавыми от работы пальцами — и на мгновение задержал взгляд на чёрном кольце.

— Ваш прадед, тот, о котором в клане молчат, ушёл в те горы не потому, что был слаб. Мой собственный отец служил при нём, ещё мальчишкой, и рассказывал мне — так, тихо, по вечерам, когда никто не слышал, — что этот человек был сильнее половины старейшин клана в своё время, но не по-

ладил с ними и предпочёл уйти сам, чем гнущься. Не знаю, правда это или стариковская байка. Но я скажу вам вот что: клан не любит тех, кто не помещается в его коробку, молодой господин. А вы, кажется мне, из тех, кто в коробку так и не влезет — какая бы у вас ни была ци, есть у вас или нет. Так что не спешите хоронить себя раньше времени. Гора, куда вас отправляют, — не могила. Может, для кого-то она станет началом.

Йе Хань не нашёл, что ответить сразу — горло сжало неожиданно сильно, сильнее, чем на самом экзамене, сильнее, чем в момент, когда горел свиток помолвки.

— Я вернусь, — сказал он наконец. — Не таким, каким ушёл.

— Знаю, — Лао Гэн отступил на шаг, кивнув, будто это было решено давным-давно. — Идите, молодой господин. И берегите себя — старику будет не с кем на конюшне переброситься словом, если вы там сгинете.

Йе Хань поклонился старику — низко, глубже, чем требовал обычай между господином и слугой, — и пошёл к горной тропе, не оборачиваясь, потому что боялся, что, оглянувшись, потеряет остаток решимости, который у него ещё оставался.

* * *

Дорога в горы заняла два дня. Тропа, которую ему описал отец, давно заросла — где-то её пересекали упавшие деревья, где-то она просто обрывалась в осыпи, и приходилось

искать путь заново по памяти да по старым, полустёртым меткам на камнях, что оставили, видимо, ещё те, кто хаживал этой дорогой поколения назад. К вечеру второго дня, когда солнце уже цеплялось краем за зубчатую линию хребтов, Йе Хань вышел на узкий уступ, откуда открывался вид на тёмный провал между двух скал — вход в Забытую Пещеру.

Он ожидал увидеть что-то жалкое — трещину в камне, заваленную мхом и обвалом. Вместо этого перед ним предстали остатки некогда величественных врат: две колонны из тёмного камня, потрескавшиеся, но всё ещё стоящие, с полустёртыми резными узорами, изображавшими нечто похожее на переплетение молний и облаков. Между колоннами когда-то, судя по вбитым в камень петлям, висели ворота — теперь исчезнувшие без следа, оставившие только чёрный зев туннеля, ведущего внутрь горы.

Йе Хань зажёл найденный в котомке фитиль масляной лампы — последний подарок отца, о котором Йе Тан не упомянул вслух, просто положив её среди прочих вещей, — и шагнул внутрь.

Первый зал оказался огромным, выше, чем Йе Хань мог осветить своей маленькой лампой, — свод терялся во тьме над головой. Пол был завален обломками — где-то обвалившийся потолок, где-то то, что когда-то, судя по остаткам резьбы, было каменными скамьями или столами. Вдоль стен тянулись надписи, вырезанные в камне глубоко, но давно стёртые дождём и временем — не тем дождём, что идёт сна-

ружи, а какой-то влагой, что сочилась сквозь трещины сводов веками. Йе Хань разобрал лишь обрывки: «...хранить пламя...», «...пока не вернётся закон...», «...кровь помнит то, что забыл разум...». Остальное съело время.

Он шёл дальше, из зала в зал, натываясь то на обрушенные арки, то на глубокие трещины в полу, куда лампа не могла достать светом до дна. В одном из проходов, более сохранившемся, чем остальные, стены хранили изображения фигур в боевых стойках — судя по всему, некая летопись техник или ритуалов, — но лица всех фигур были стёрты, будто нарочно, кем-то, кто не хотел, чтобы потомки узнали, кто изображён.

Тишина в пещере была особого рода — не просто отсутствие звука, а какая-то плотная, тягучая тишина, будто сами камни хранили дыхание и ждали. Йе Хань не боялся темноты — в детстве отец учил его не бояться ничего, что не может причинить прямого вреда, — но что-то в этом месте заставляло его держать руку на рукояти простого клинка, который он взял с собой скорее по привычке, чем в надежде на то, что он пригодится.

К исходу третьего часа блуждания по руинам он вышел в самый большой из увиденных залов — круглый, с высоким сводом, поддерживаемым восемью колоннами, расставленными равномерно по кругу. В центре зала, на невысоком постаменте, стояла статуя — воин в полном облачении, с мечом, опущенным остриём в пол, в позе не атаки и не защиты,

а скорее ожидания. Но лицо статуи было гладким, лишённым черт — ни глаз, ни рта, ни носа, будто скульптор намеренно оставил его безмянным, безликим, стёртым ещё до того, как время успело бы это сделать само.

Йе Хань долго стоял перед статуей, чувствуя странную тяжесть в груди — не страх, а какое-то смутное узнавание, словно он уже видел это лицо во сне, много раз, но не мог вспомнить деталей.

— Кто ты был? — тихо спросил он в пустоту зала, и собственный голос вернулся к нему эхом, искажённым, будто произнесённым не одним, а множеством голосов сразу.

Ответа, конечно, не было. Только лампа в его руке чуть заметно дрогнула, будто от сквозняка, которого он не почувствовал.

Он обошёл статую по кругу, разглядывая пьедестал в поисках надписи, объясняющей, кто это, — и заметил, что задняя часть постамента, обращённая к стене зала, кажется неестественно ровной для обвалившихся руин, где всё остальное носило следы столетий разрушения. Присмотревшись, Йе Хань понял: это не случайность. Камень за статуей был подрезан — намеренно, аккуратно, скрывая нишу шириной чуть больше плеча.

Сердце застучало быстрее. Он протиснулся в узкую щель между статуей и стеной, ведя ладонью по холодному камню, и лампа его осветила небольшое углубление — не природную трещину, а вырубленную вручную нишу, глубиной не

больше локтя.

В глубине ниши, на почерневшем от времени и копоти каменном выступе, было гнездо — маленькая округлая впадина, выточенная с той же тщательностью, с какой ювелир вытачивает ложе для драгоценного камня. Йе Хань поднёс лампу ближе, и у него дрогнуло дыхание: форма впадины, размер, даже едва заметный ободок по краю — всё это до странности точно повторяло форму кольца на его собственном пальце.

Он поднял руку — не задумываясь, будто вело его не разум, а что-то более древнее, — и медленно потянулся к нише.

И тогда кольцо на его пальце, холодное, мёртвое, безмолвное вот уже шестнадцать лет его жизни, вдруг чуть заметно потеплело — так слабо, что можно было бы принять это за игру воображения, если бы тепло не нарастало с каждым дюймом, на который рука Йе Ханя приближалась к почерневшему постаменту в глубине забытого зала.

Глава 3

Пробуждение Тени

* * *

Постамент был холодным, как всё остальное в Забытой Пещере, но не мёртвым. Йе Хань взгляделся в углубление на его вершине — овальное, размером точно с кольцо на его пальце, будто камень терпеливо ждал этот единственный предмет десять тысяч лет, не принимая ничего другого.

За спиной безликий каменный воин всё так же смотрел в пустоту — если у него и были когда-то глаза, время сточило их вместе с чертами лица. Свет от факела дрожал на его гладком шлеме, и в этой дрожи Ёе Ханю на миг показалось, что голова статуи чуть повернулась. Он тряхнул головой. Голод и три дня одиночества играли с рассудком.

Кольцо на пальце потеплело.

Не так, как теплеет металл от тела — оно грелось само, изнутри, будто в чёрном камне вдруг зажглась крошечная печь. Ёе Хань поднёс руку к глазам. Гравировка — линии, похожие на трещины в грозовом небе, — тускло засветилась золотом.

— Что... — начал он, и в этот момент кольцо дёрнуло его руку вперёд, точно на пальце вдруг оказался рыболовный крючок, а по ту сторону лески — что-то огромное и нетерпеливое.

Он не успел ни испугаться, ни упереться. Ладонь сама легла в углубление постамента.

Пещеру разорвал свет.

Чёрный и золотой одновременно — как будто ночь и расцвет столкнулись лбами и не смогли разойтись. Он хлынул из кольца и из камня разом, потёк по трещинам-гравировкам на постаменте, а те вспыхнули, как фитили, зажжённые с двух концов. Ёе Хань закричал — не от боли, а потому что тело вдруг стало слишком тесным для того, что в него хлынуло, будто в чайник залили озеро. Он упал на колени,

зажимая руку с кольцом другой рукой, и сквозь зажмуренные веки всё равно видел этот свет — он был везде, он был внутри черепа.

А потом — тишина. И холод пещеры вернулся, слишком резко, слишком буднично после того пожара.

Йе Хань открыл глаза.

Перед ним, покачиваясь в воздухе на высоте человеческого роста, стояла фигура. Полупрозрачная, обведённая по краям тонкой чёрно-золотой каймой, как контур на старой картине, что уже наполовину стёрлась, но упрямо держится за холст. Мужчина — высокий, в длинных одеждах, каких Йе Хань не видел ни на одной картине в клановой библиотеке: слишком простой крой, слишком выцветший узор, будто мода на них умерла тысячи лет назад и забыла воскреснуть. Волосы собраны в высокий узел, скреплённый чем-то похожим на обломок кости. Лицо — острое, насмешливое, с глазами, в которых плавали крошечные звёзды пустоты, словно кто-то проколол дыры в его зрачках и через них смотрела сама ночь.

Фигура зевнула. По-настоящему, широко, со звуком, будто где-то в другом мире скрипнула старая дверь.

— Десять тысяч лет, — произнёс призрак, растягиваясь в воздухе, как кот на солнце, хотя никакого солнца здесь не было. — Десять. Тысяч. Лет. И знаешь, что хуже всего, мальчик? Я не выпался.

Йе Хань замер на коленях, не в силах ни встать, ни от-

ползти. Голос прошёл сквозь него не ушами — прямо через грудную клетку, будто говорил не воздух, а сама пещера.

— Кто... — выдавил он. — Кто вы?

Призрак повернул голову — медленно, с преувеличенной ленью, — и впервые посмотрел прямо на него. Взгляд прошёлся по лицу мальчика, по драной одежде, по тощим плечам, и на губах фигуры расцвела улыбка, в которой было больше жалости, чем злобы.

— О небеса и разлом над ними, — сказал он. — Печать держалась десять тысячелетий, ждала достойного наследника, а на зов явился... это. — Он обвёл рукой Ёе Ханя сверху вниз, будто оценивал скот на рынке. — Скажи мне, дитя, ты вообще способен зажечь свечу силой мысли? Или мне повезло настолько, что меня разморозил будущий носильщик воды?

Щёки Ёе Ханя вспыхнули — не от магии, от старого, привычного стыда.

— Меня зовут Ёе Хань, — сказал он, заставляя голос не дрожать. — И если вы насмехаетесь, потому что я не могу активировать ци — можете не продолжать. Я слышал это всю жизнь.

— Ёе Хань, — повторил призрак, будто пробуя имя на вкус, как плохое вино. — Из клана Ёе. Гром, да? — Он поморщился. — Громовики всегда были ужасно суетливыми при жизни, я надеюсь, за десять тысяч лет это исправилось хотя бы немного... Впрочем, судя по тебе — нет. Так, значит,

«не может активировать ци». Дай угадаю: экзамен, публичный позор, разорванная помолвка, отец в отчаянии сослал тебя гнить в старую пещеру предков в компании статуи без лица?

Йе Хань открыл рот и закрыл его. Не то чтобы призрак угадал — он будто прочитал это в воздухе, как строчку из книги, которую уже читал сто раз.

— Как вы...

— Потому что это происходит с каждым третьим носителем в истории, мальчик, — призрак закатил глаза, вернее, закатил ту черноту, что заменяла ему глаза. — Мир снова и снова разыгрывает одну и ту же пьесу: гениальный меридиан, замаскированный под бесполезный. Идиоты вокруг тебя видят пустой сосуд и клеймят его отбросом, потому что никто из них не удосуживается заглянуть внутрь. — Он вздохнул с театральным драматизмом, эхо которого прокатилось по пещере. — Ладно. Раз уж я всё равно застрял с тобой ещё на неопределённый срок, давай посмотрим, что ты такое на самом деле.

Он протянул полупрозрачную руку — не касаясь, просто держа её на расстоянии ладони от груди Йе Ханя — и закрыл глаза.

Прошло несколько секунд. Тень Сюань нахмурился. Потом нахмурился сильнее. Потом его брови поползли вверх, а звёздная пустота в глазах вдруг замерла, как останавливается дыхание перед криком.

— Не может быть, — пробормотал он, уже без всякой насмешки в голосе. — Не может... подожди. Подожди-подожди-подожди.

— Что? — Йе Хань невольно подался вперёд. — Что не может быть?

Тень Сюань открыл глаза. Насмешка исчезла полностью, сменившись чем-то похожим на голод — тот самый взгляд, каким алхимик смотрит на редчайший ингредиент, о существовании которого он лишь читал в старых свитках.

— Твои меридианы, — сказал он медленно, будто взвешивая каждое слово. — Они не немые. Они не пустые. Они... открыты. Полностью открыты, шире, чем я видел у любого культиватора за всю свою жизнь и смерть впридачу — и при этом в них абсолютно ничего своего не течёт. Ни капли ци. Как дом с распахнутыми дверями и окнами, в котором никто не живёт.

— Это... это то же самое, что мне говорили экзаменаторы, — тихо сказал Йе Хань. — Немой Меридиан. Тело, в которое ци не входит.

— Экзаменаторы, — фыркнул призрак, и в этом фыркание была вся мировая усталость десяти тысячелетий, — это стадо баранов с печатями рода за спиной, которые всю жизнь мерили один и тот же тип меридиана и решили, что других не существует. — Он опустил руку и начал мерить шагами воздух перед Йе Ханем — точнее, скользить взад-вперёд, не касаясь пола. — Слушай внимательно, мальчик, потому что

я не собираюсь повторять это дважды, а от того, поймёшь ты или нет, зависит, будешь ли ты в итоге чем-то большим, чем удобрение для этой пещеры.

Йе Хань выпрямился, забыв даже про боль в коленях.

— У обычного культиватора меридианы — это семя. —

Тень Сюань щёлкнул пальцами, и в воздухе на миг вспыхнула крошечная искра света, изображая семя. — Он выращивает в себе собственную ци, собственную стихийную природу, с нуля, техника за техникой, как садовник, который сажает дерево и годами ждёт плодов. У тебя... — искра погасла, и вместо неё появилось нечто вроде распахнутой пасти, нарисованной светом, — у тебя меридианы — это не семя. Это сосуд. Пустой, голодный, созданный не для того, чтобы растить, а для того, чтобы забирать.

— Забирать? — переспросил Йе Хань.

— Меридиан Поглощения, — произнёс Тень Сюань, и в этих словах прозвучало что-то похожее на благоговение, смешанное с злым весёлым удивлением. — Ты слышал о нём? Нет, конечно, не слышал, потому что последний известный носитель умер за несколько тысячелетий до того, как твой драгоценный клан вообще выучился писать свою фамилию. Твоё тело физически не способно вырастить собственную ци обычным путём — вот почему все ваши дурацкие техники активации на тебе не срабатывают, вот почему ты сидел на том экзамене красный и трясущийся, пока какой-то надутый кузен насмеялся над тобой. Твои меридиа-

ны не спят. Они ждут. Ждут чужого, а не своего.

Йе Хань замер. Слова падали в него, как камни в колодезь, — и с каждым звучал глухой отзвук пятнадцати лет собственной жизни, который вдруг обрёл смысл.

— Значит... я не сломан, — сказал он медленно, почти боясь, что произнесённое вслух развеется, как дым. — Я просто... другой.

— «Другой» — это то, что говорят вежливые люди, когда не хотят сказать «редчайшая аномалия, которую видели раз на десять тысячелетий», — Тень Сюань наклонился к нему, и его лицо, при всей полупрозрачности, вдруг оказалось очень близко, глаза-пустоты сверлили насквозь. — Ты можешь пить чужую ци, мальчик. Чужую стихийную природу. Технику зверя, дерево, воду, огонь любого, кто слабее тебя — или даже того, кто сильнее, если сумеешь дотянуться и не подавиться. Обычные культиваторы растят один сад всю жизнь. Ты — можешь собрать весь лес.

Наступила тишина, в которой было слышно лишь, как где-то в глубине пещеры капает вода.

— Тогда почему, — тихо спросил Йе Хань, — все считают это проклятием?

Улыбка Тени Сюаня впервые за разговор стала грустной.

— Потому что мир боится того, чего не может измерить своей линейкой, — сказал он. — И потому что последний раз, когда кто-то с подобным даром поднялся достаточно высоко... это закончилось очень плохо. Для очень многих лю-

дей.

— Для вас? — спросил Йе Хань, вглядываясь в его лицо.

Что-то мелькнуло в бездонных глазах призрака — тень боли настолько старой, что она уже не причиняла боль, только оставляла эхо. Он отвернулся, глядя на безликую статую позади мальчика.

— Меня звали Тень Сюань, — сказал он после паузы, и голос его стал глуше, будто доносился издалека. — Когда-то я был Императором Пустоты. Правил не землями — правил принципом: что всё можно поглотить, если знаешь, как просить у мира. У меня были ученики. Братья по клятве. Один из них решил, что моя пустота — слишком удобная тюрьма для того, что он хотел выпустить на свет. — Он замолчал, и на секунду воздух пещеры показался ещё холоднее. — Меня предали не враги, мальчик. Меня запечатали руки, которым я доверял больше своих собственных. В это кольцо, в эту пещеру, на десять тысяч лет тишины, пока не появится кто-то с резонирующим меридианом достаточно сильным, чтобы разбудить печать.

Он повернулся обратно, и насмешка вернулась на его лицо так быстро, будто и не пропадала, — но Йе Хань уже увидел то, что было под ней, и не мог забыть.

— И вот он ты, — Тень Сюань развёл руками. — Тощий, голодный, немой мальчишка из третьесортной ветви третьесортного клана, который случайно оказался единственным ключом ко мне за десять тысячелетий. Поздравляю нас обо-

их. Мы застряли друг с другом.

— Застряли? — нахмурился Йе Хань.

— Печать не разрушена, только приоткрыта, — Тень Сюань постучал пальцем по кольцу на руке Йе Ханя, и хотя палец был нематериален, мальчик поклялся, что почувствовал холодок. — Я не могу покинуть кольцо навсегда, пока твой Меридиан Поглощения не разовьётся достаточно, чтобы выдержать полное слияние. Это может занять годы. Так что да — я твой пленник, ты мой якорь, и оба мы в одной тюрьме, только у тебя хотя бы есть ноги, чтобы из неё выходить.

Он вдруг усмехнулся — по-настоящему, широко, с чем-то похожим на азарт.

— Но знаешь, что я понял за десять тысяч лет тишины, мальчик? Скука — худший враг бессмертного духа. А ты... — он окинул Йе Ханя новым взглядом, уже не презрительным, а оценивающим, как мастер смотрит на неотточенный клинок редкой стали, — ты интересен. Отчасти потому, что твой дар напоминает мне о том, что я потерял. Отчасти потому, что мне скучно, а обучать безнадёжного мальчишку превращать себя в оружие — неплохое развлечение на ближайшее десятилетие. Так что да. Я буду твоим учителем, Йе Хань из третьесортной ветви третьесортного клана. Не потому что мне жаль тебя. А потому что у меня появилась причина не сойти с ума в темноте.

Йе Хань смотрел на призрака — на это невозможное, насмешливое, странно тёплое под всей своей иронией суще-

ство — и впервые за много дней почувствовал, как что-то в груди, сжатое стыдом до размера камня, начинает расслабляться.

— Тогда учите, — сказал он просто.

— О, какой энтузиазм. — Тень Сюань хлопнул в ладоши, и звук прошёл сквозь пещеру, как удар гонга. — Но сперва — теория без практики превращает культиватора в болтливую учёного, а мне за десять тысяч лет хватило болтливых учёных. Ты хочешь понять, что значит поглощать? Тогда не сиди тут и не слушай меня, как первокурсник в академии для бездарей. Иди и найди что-нибудь живое.

— Живое? — Йе Хань поднялся на ноги, чувствуя, как затекшие мышцы отзываются болью.

— Растение. Насекомое. Крыса, если повезёт найти в этой дыре хоть одну достаточно глупую, чтобы не убежать от твоего запаха. — Тень Сюань махнул рукой в сторону выхода из внутреннего зала, где темнота уступала место дальнему сиянию — где-то там, глубже в системе пещер, что-то слабо мерцало зеленью, будто светящийся мох цеплялся за жизнь во тьме. — Что угодно, в чём есть хоть капля ци, хоть искра стихийной природы. Найди его. Подойди. И попробуй — не руками, не глазами — сознанием, вот этим самым голодным, распахнутым нутром, что ты всю жизнь считал проклятием — потянуться к нему. Почувствуй, каково это, когда сосуд наконец пытается напиться.

— А если не получится? — спросил Йе Хань, и в вопросе

прозвучал весь груз шестнадцати лет неудач.

Тень Сюань наклонил голову, и в его пустых глазах на миг вспыхнуло что-то похожее на терпение — редкая вещь для духа, прошедшего десять тысячелетий в одиночестве.

— Не получится сразу — конечно. Ты шестнадцать лет пытался открыть дверь не тем ключом, а теперь я говорю тебе, что дверь вообще не заперта, просто открывается в другую сторону. Твоё тело не знает, как тянуться, потому что его никто этому не учил — ни книги, ни техники, ни твой бестолковый клан. Так что сегодня ты не будешь совершать прорыв, не будешь потрясать небеса и разрывать облака. Сегодня ты просто пойдёшь в темноту и попробуешь почувствовать вкус чего-то, кроме собственного отчаяния. Это уже больше, чем ты делал последние шестнадцать лет.

Йе Хань посмотрел на мерцающий зелёный свет в глубине пещеры, потом на кольцо на своём пальце — тёмное сейчас, спокойное, будто оно никогда и не пылало чёрным и золотым, — и наконец на полупрозрачную фигуру, парящую перед ним в воздухе с видом одновременно измученного и до странности довольного духа.

— Хорошо, — сказал он, и в голосе его, впервые за долгое время, не было ни капли того привычного стыда. — Показывай дорогу, учитель.

— «Учитель», — фыркнул Тень Сюань, но что-то в его лице на миг смягчилось, прежде чем насмешка вернулась привычной маской. — Мне нравится, как это звучит. Не привы-

кай, я быстро надоедаю. А теперь идём, пока тот мох там не решил, что ждать тебя целую вечность — не в его планах. У нас, знаешь ли, и без того была уже одна вечность на двоих.

Он развернулся — вернее, растворился в воздухе и вновь возник чуть дальше, у входа во внутренний туннель, откуда доносилось слабое зелёное свечение, — и махнул рукой, приглашая следовать.

Йе Хань в последний раз взглянул на пустой постамент, на безликого каменного стража, который хранил эту тайну десять тысяч лет в полном одиночестве, и, сжав кулак с потухшим кольцом, шагнул в темноту — впервые в жизни не как отброс, идущий прочь от позора, а как ученик, идущий на первый урок.

Глава 4

Первый Раскол

* * *

Утренний свет с трудом протискивался сквозь трещину в потолке Забытой Пещеры — тонкий серый луч, в котором плавала пыль десяти тысячелетий. Йе Хань сидел у самого входа, скрестив ноги на холодном камне, и уже третий час пытался не думать о том, как глупо он, наверное, выглядит.

— Ещё раз, — сказал голос в его голове. Тень Сюань не утруждал себя переходами между насмешкой и наставлением — они у него сливались в одну интонацию. — И на этот раз не дави, щенок. Ты не ломаешь дверь плечом. Ты стучишься.

— Я и стучался, — процедил Йе Хань, не открывая глаз.
— Восемь раз.

— Значит, стучался неправильно восемь раз. Это прогресс — раньше ты вообще не мог поднять кулак.

Йе Хань подавил желание ответить что-то дерзкое — опыт последних дней научил его, что дух-старик находит его дерзость забавной, а забаву — поводом продлить урок. Вместо этого он снова направил внимание вниз, к клочку мха у трещины в стене.

Мох был живым. Едва живым — но живым. Тень Сюань утверждал, что даже такая крупница жизни хранит крупницу, настолько слабую, что обычный культиватор её и не заметил бы, приняв за фон. Но Меридиан Поглощения, по его словам, был создан именно для того, чтобы замечать фон.

Йе Хань закрыл глаза и позволил сознанию стечь вниз, как воде, ищущей трещину в камне. Внутри тела, там, где раньше была немая пустота, теперь тянулась едва различимая нить — тонкая, будто волос, будто шёпот шёпота. Он тянулся к ней не руками, не голосом — чем-то более глубоким, тем самым чувством, каким слепой ищет стену в темноте.

Нить дрогнула. Коснулась мха.

И — ничего. Точнее, почти ничего: слабое, вязкое сопротивление, как будто он пытался зачерпнуть воду решетом. Крупница зелёной, дремлющей ци скользнула по краю его сознания и тут же рассеялась, не оставив следа.

Йе Хань открыл глаза и выдохнул с раздражением.

— Опять пусто.

— Не пусто. Просохло, — поправил Тень Сюань. — Ты вытянул примерно столько силы, сколько комар выпивает крови за один укол — то есть ничего, но факт укуса состоялся. Мох слишком беден. Попробуй грибы у дальней стены — в них хотя бы гниль, а гниль — это распад, а распад — это высвобождение ци, которая копилась годами.

Йе Хань послушно переместился, разглядывая гроздь бледных, будто восковых грибов, растущих в трещине известняка. Он повторил упражнение — нить сознания, тихое касание, попытка утянуть.

На этот раз что-то откликнулось — крохотная, кисловатая волна, будто вкус лимона на кончике языка, — и тотчас исчезла, оставив лёгкое покалывание в висках.

— Есть, — прошептал он, не веря сам себе.

— Есть, — подтвердил Тень Сюань, и в его голосе, кажется, впервые за утро прозвучало что-то похожее на удовлетворение. — Едва заметно, но есть. Ты нащупал принцип: сознание тянется — тело откликается — Меридиан пропускает через себя чужую силу и превращает её в твою. Это как научиться дышать заново, только дышать не воздухом, а всем живым вокруг.

— Тогда почему это так... мало? Ты говорил, что мой Меридиан — редчайший.

— Редчайший — не значит мгновенный. — В тоне Тени Сюаня вновь звякнула сталь наставника. — Ты пытаешься

утопить океан в чашке. Твои каналы — трещина, тонкая, как волос, доставшаяся тебе от рождения. Каждая крупинка ци, что ты пропускаешь через неё, чуть-чуть её расширяет. Мох и грибы — это разминка. Тебе нужна дичь посерьёзнее, чтобы сделать настоящий шаг.

— Дичь? — Йе Хань напрягся. — Ты имеешь в виду...

Он не договорил. Снаружи, за полуразрушенным сводом входа, раздался низкий, утробный хрип — не крик зверя, а что-то среднее между рёвом и раскатом далёкого грома, от которого мелкие камешки на полу пещеры чуть подрагивали.

Тень Сюань не ответил сразу — Йе Хань почувствовал, как внимание духа, невидимое, но осязаемое, метнулось наружу, будто он мог видеть сквозь камень.

— А вот и она, — произнёс дух со странной смесью тревоги и азарта. — Не двигайся резко. Подойди к выходу медленно и посмотри — но не показывайся.

Йе Хань на четвереньках подполз к трещине, служившей входом, и осторожно выглянул.

На поляне перед пещерой, в тридцати шагах, стоял зверь размером с молодого буйвола — приземистый, широкогрудый, с шерстью цвета грозовой тучи, которая местами искрилась, будто по ней бежали крохотные разряды. Клыки, торчащие из нижней челюсти, отливали металлическим блеском. Зверь рыл копытом землю, и с каждым ударом в воздухе повисал резкий запах озона — как перед бурей.

— Громовой вебрь, — тихо произнёс Тень Сюань. — Дикая тварь, чья кровь впитала избыток стихийной ци Грома, что скопилась в этих руинах за тысячи лет без хозяина. Такие звери рождаются в местах, где когда-то происходили великие битвы культиваторов — земля здесь всё ещё сочится силой, и звери, которым не повезло тут родиться, впитывают её без разбора, без техник, без контроля. Оттого и искажаются.

— Он... сильный?

— Для тебя? — Тень Сюань издал короткий смешок, лишённый, впрочем, всякой весёлости. — Он мог бы одним ударом копыта проломить эту стену. Его ци грубая, дикая, но плотная — плотнее, чем в десяти таких грибах, что ты только пробовал. Именно поэтому я хотел, чтобы ты его увидел, а не встретил.

— Тогда я возвращаюсь внутрь.

— Разумно. Жаль, что уже поздно.

Вебрь застыл. Его маленькие, глубоко посаженные глаза — чёрные, без белков — обратились точно в сторону трещины, где прятался Йе Хань. Тварь чуяла не запах и не звук. Она чуяла нить сознания, которую Йе Хань всё ещё, сам того не замечая, не до конца свернул после опытов с мхом и грибами — тонкий, зудящий сигнал: здесь есть ци, которую можно взять.

Громовой вебрь взревел, и земля под его копытами треснула короткими сизыми искрами.

— Беги внутрь, глубже! — рявкнул Тень Сюань. — В узкий лаз, за поворотом — туда он не пролезет!

Йе Хань не нуждался в повторении. Он вскочил и бросился в глубину пещеры, но нога подвернулась на осыпи камней у самого поворота, и он растянулся во весь рост, обо что-то до крови рассадив ладонь.

Свод входа взорвался облаком пыли и щебня — вебрь, не рассчитав или не заботясь о собственной шкуре, протаранил головой узкий проём, расширяя его собственным весом. Камни посыпались градом. Йе Хань перекатился в сторону, чудом уйдя из-под обломка размером с его собственную голову.

— Он лезет! — прохрипел он, отползая назад.

— Вижу. — Голос Тени Сюаня был спокоен, но в этом спокойствии слышалось напряжение струны, натянутой до предела. — Слушай меня внимательно, потому что я не могу поднять для тебя даже палец — у меня нет тела, щенков, только голос. Всё, что случится дальше, сделаешь ты сам.

Вебрь, наполовину протиснувшийся в расширенный проём, замотал головой, стряхивая с загривка пыль, и уставился на Йе Ханя тем же немигающим взглядом. От его боков во все стороны срывались короткие росчерки молний, с треском впивавшиеся в камень.

— Он застрял, — выдохнул Йе Хань, отступая ещё на шаг, спиной чувствуя холод дальней стены. — Он не может...

— Он вылезет через три секунды, — оборвал Тень Сю-

ань. — У тебя есть только один шанс, и он весьма неприятен: тебе нужно коснуться его. Голыми руками, если понадобится. Твой Меридиан открывается через контакт — через прикосновение к живой ци. Это не техника, которую ты выполняешь на расстоянии, как метательное заклинание. Это — хватка. Ты должен вцепиться.

— Вцепиться? В него?! — Голос Йе Ханя предательски дрогнул. — Он меня раздавит!

— Тогда, полагаю, вопрос закрыт, — сухо ответил дух. — Можешь просто умереть здесь, в пещере, где тебя даже не найдут. Родные будут думать, что ты сбежал от позора. Что ж, по крайней мере, это будет какая-то определённости.

Йе Ханя пробрала злая, отчаянная дрожь — но не от страха. От того, до чего верно это было сказано, и до чего не хотелось, чтобы это стало правдой.

Вепрь одним мощным толчком выдрал себя из проёма, обрушив ещё пласт камня, и оказался внутри пещеры целиком — огромный, куда крупнее, чем казался снаружи, с боков его продолжали срываться нити молний, прожигавшие в полу мелкие чёрные подпалины. Он топнул передней ногой, прицениваясь, и рванулся вперёд.

Времени на мысль не осталось.

Йе Хань не помнил, как оказался на пути броска, а не в стороне от него — тело сработало быстрее разума, инстинкт, вбитый годами насмешек и одиночества, вопил единственное: не беги, бежать поздно, встречай. Он упал на одно ко-

лено, вскинул обе ладони — не для удара, а как последний, отчаянный барьер, — и в тот самый миг, когда клык вопреки прошёл на волосок от его плеча, а тяжёлая голова зверя врезалась в поднятые руки, что-то внутри Йе Ханя лопнуло.

Не кость. Не мышца.

Печать.

Тонкая нить сознания, которую он весь день так робко и неуверенно вытягивал к мху и грибам, вдруг развернулась целиком, сама, без его воли — как сжатая пружина, — и хлынула наружу через ладони, впившиеся в загривок зверя. Она не спрашивала разрешения. Она просто взяла.

Громовой вепрь взвизгнул — звук, слишком тонкий и почти жалобный для такой громадной туши, — и его дикая, грозовая ци, плотная, искрящая, годами копившаяся в этом изломанном теле, полилась в Йе Ханя сплошным потоком, как если бы прорвало дамбу.

Боль пришла первой. Ослепляющая, режущая, будто в его вены залили расплавленный металл вперемешку со льдом. Следом — образы, не его собственные: вспышки грозы над руинами, вкус земли и крови, глухой рёв других таких же тварей вдалеке, животный, тупой голод, который не был голодом еды, а был голодом самого существования. Йе Хань закричал — не потому что решил, а потому что тело больше не могло держать в себе то, что в него вливалось.

— Держись! — Голос Тени Сюаня прорвался сквозь этот хаос, острый, как клинок. — Не отпускай хватку и не пы-

тайся сдержать поток — направляй его! Через Меридиан, не через разум! Ты не сосуд, который наполняют, ты — русло, через которое течёт река!

Йе Хань не понимал слов, но что-то в нём — что-то, что жило в теле дольше, чем он себя помнил, — послушалось. Он перестал сопротивляться потоку и вместо этого попытался его вести, как пловец, сдающийся течению реки лишь для того, чтобы направить его к берегу. Грозовая ци перестала рвать его изнутри и потекла — узкой, гудящей нитью — вдоль позвоночника, вверх, к тому месту в груди, где годами была лишь немая, глухая пустота.

Вебрь под его руками содрогнулся и осел, ноги его подломились — не мёртвого веса, но обессиленной, вытянутой из него жизни. Йе Хань упал вместе с ним, продолжая сжимать пальцы в грубой шерсти, чувствуя, как поток слабеет, истончается, но не иссякает до конца — зверь ещё жил, просто в нём осталась едва ли треть той силы, с которой он вошёл в пещеру.

А затем что-то внутри Йе Ханя не выдержало — но не сломалось. Раскрылось.

Свет вспыхнул из-под его кожи, будто под тонким слоем полотна зажгли сотню свечей одновременно. Воздух вокруг него с сухим треском разошёлся мелкими, извилистыми трещинами — не в небе, не над горами, крошечными, длиной в ладонь, повисшими прямо в пустоте пещеры, как узоры мороза на стекле, только сотканные из чистого золотистого си-

яния. Гул пошёл по камню сквозь подошвы, отозвался эхом в самой скале.

Йе Хань закричал уже не от боли — а потому что тело, впервые за все шестнадцать лет его жизни, наконец ответило. Немая пустота, немой Меридиан, немое, презираемое всеми клеймо — прорвались наружу единым, оглушительным аккордом силы, прокатившимся от макушки до пят.

Он не помнил, сколько это длилось. Может, удар сердца. Может, вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.